

УДК 94; 327
DOI 10.52452/19931778_2022_5_35

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕРМАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ПО ПРИСОЕДИНЕНИЮ ТУРЦИИ К ТРОЙСТВЕННОМУ ПАКТУ (сентябрь 1940 г. – март 1941 г.)

© 2022 г.

А.Г. Постников, Е.Н. Соломаха

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

rag-unn2@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.08.2022

Статья посвящена проблеме германо-турецких отношений осенью 1940 – весной 1941 г. и попыткам германской дипломатии присоединить Турцию к Тройственному пакту с целью использования ее территории для прохода частей Вермахта в направлении Египта. По мере обострения обстановки на Балканах к этому добавилась задача избежать с ней военного столкновения. В статье рассматриваются и анализируются ключевые моменты переговорного процесса по данным вопросам. Особое внимание обращается на разногласия, возникшие между высшим политическим руководством Третьего Рейха и послом в Анкаре Ф. фон Папенем по поводу перспектив отношений с Турцией. В заключение подводятся итоги переговоров на данном отрезке времени, выявляются причины их, по существу, неудачного исхода.

Ключевые слова: нейтралитет Турции, «новый европейский порядок», Суэцкий канал, Тройственный пакт, черноморские проливы.

Введение

В результате разгрома Франции летом 1940 г. Германия достигла военно-политического господства в Западной Европе. Это позволило Берлину обратить более пристальное внимание на страны Балканского региона, а затем и на своего давнего партнера Турцию. Традиционное сотрудничество Берлина и Анкары было подорвано открытой экспансией Рейха в Европе весной 1939 г., воспринятой турецкими руководителями как потенциальная угроза их стране [1, S. 24]. Это вынудило Анкару пойти на сближение с западными державами, закончившееся подписанием 19 октября 1939 г. англо-франко-турецкого договора о взаимопомощи. В Третьем Рейхе данное соглашение было однозначно охарактеризовано как антигерманское [2, с. 492].

Лишь с весны 1940 г. под влиянием успехов Вермахта в Европе Турция приступила к пересмотру антигерманского курса. Все большее приближение военных действий к турецким границам осенью 1940 г. побуждало Анкару искать средства обеспечения своей безопасности, в том числе и на пути улучшения отношений с Германией. В свою очередь и немцы, стремясь добиться победы над англичанами в Восточном Средиземноморье и Северной Африке, были заинтересованы в привлечении Турции на свою сторону.

Как известно, 27 сентября 1940 г. по инициативе нацистского руководства представители

Германии, Италии и Японии подписали в германской столице Берлинский, или Тройственный, пакт, который окончательно оформил военно-политический союз трех агрессивных держав. Данному блоку предстояло стать фундаментом намечаемого в Берлине, Риме и Токио нового мироустройства [3, с. 367]. Присоединение к пакту осенью 1940 г. Словакии, Румынии и Венгрии стало большим достижением германской дипломатии. Тогда же она предприняла попытку включить в этот блок и Турецкую республику.

Вопрос о причинах подписания Тройственного пакта и его целях в отечественной историографии последних двух десятилетий рассматривался преимущественно в связи с военно-стратегическими замыслами Германии, и прежде всего с началом планирования германским генштабом войны против СССР. Так, В.К. Волков акцентирует внимание на директиве ОКВ № 18 от 12 ноября 1940 г., которая определяла ближайшие военные мероприятия в районе Средиземного моря и при этом ясно показывала, что все замыслы Германии уже были подчинены предстоящему походу на восток. Автор подчеркивает, что эта директива была подписана в день приезда в Берлин В.М. Молотова, которому в ходе переговоров Гитлер и фон Риббентроп фактически сделали предложение о присоединении СССР к Тройственному пакту. По мнению Волкова, такая синхронность говорит о том, что главной целью данного предложения являлась дезинформация и маски-

ровка истинных намерений в отношении СССР [4, с. 411]. Проблема взаимосвязи пакта и анти-советских планов Германии была поднята и в статье Е.Н. Кулькова, давшего аналогичную оценку берлинских переговоров В.М. Молотова. Кроме того, автор проанализировал как текст самого Тройственного договора, так и историографию вопроса о международных последствиях его заключения [5]. Достаточно подробно германские предложения СССР и реакция на них советского руководства освещаются и в статьях А.В. Башкина [6] и Д.А. Мигуна [7].

Проблеме присоединения к Тройственному пакту стран Юго-Восточной Европы посвящены статьи Е.Л.Валевой [8], В.Т. Юнгблюда и А.В. Збоева [9], Л.Я. Гибанского [10], Т.А. Покивайловой [11], Б.И. Желицки [12], В.В. Марьиной [13], И.И. Попа [14] и др. В то же время в публикациях, касающихся германо-турецких отношений накануне и в годы II Мировой войны, о попытках германской дипломатии присоединить к пакту Турцию в лучшем случае только упоминается. При этом основное внимание уделяется отношению к данному вопросу турецкого руководства. Так, анализируя его позицию в указанный период, Н.И. Аюпова лишь отмечает, что, помня о совместном с Германией поражении в I Мировой войне, это руководство, прежде всего в лице президента И. Иненю, всячески стремилось сохранить нейтралитет и избежать вступления в конфликт [15, с. 16]. Вскользь о намерении Гитлера привлечь Турцию к Тройственному пакту упоминается и в статье И.В. Смольняка [16]. И даже в фундаментальном исследовании Н.Г. Киреева по истории Турции в XX в. говорится только о том, что всю осень 1940 г. вопрос о войне с Турцией оставался для Германии открытым. Тогда же на переговорах с СССР немцы сделали Турцию предметом торга, одновременно ставя об этом в известность Анкару [17, с. 240].

Отсюда цель настоящей статьи заключается в восполнении пробелов в изучении причин германской инициативы по привлечению Турции на сторону держав Оси, рассмотрении и анализе основных этапов переговорного процесса по данному вопросу и его итогов. Авторы впервые вводят в научный оборот некоторые опубликованные архивные материалы из фондов АВП РФ, в частности обзоры турецкой прессы того времени и записи бесед советского полпреда в Анкаре С.А. Виноградова с диппредставителями других стран, прежде всего с германским послом Ф. фон Папенем. Для достижения поставленной цели нами также были изучены документы из архива германского МИД и отдельные документы НКВД СССР. В

статье дается авторская характеристика германских планов и дипломатических усилий в отношении Анкары, в заключении содержится оценка их результатов и интерпретация позиции высшего руководства Германии по вопросу отношения с Турцией на данном этапе.

Нижней границей хронологических рамок статьи является сентябрь 1940 г., когда был заключен Тройственный пакт, а Германия начала постепенное военное проникновение на Балканы, а также, стремясь избежать прямого конфликта с Турцией, попыталась привлечь ее на свою сторону, фактически предложив ей примкнуть к Тройственному пакту. Однако на этом пути немцы столкнулись с серьезными трудностями. Более того, резкая активизация германской политики на Балканах в начале 1941 г. едва не привела к открытой конфронтации двух стран. Присоединение же 1 марта 1941 г. к Тройственному пакту граничащей с Турцией Болгарии положило начало новому этапу балканской политики Третьего Рейха в целом и германо-турецких отношений в частности. Этим и определяется верхняя граница хронологических рамок настоящей статьи.

Основные цели германской дипломатии в отношении Турецкой республики осенью 1940 г.

В сентябре 1940 г. Германия, формально по просьбе правительства Румынии и под предлогом защиты румынских нефтепромыслов, направила в эту страну военную миссию. Это вызвало вполне ожидаемое беспокойство как у граничившего с Румынией СССР, так и у Турции, видевшей в усилении Германии на Балканах угрозу своим интересам. Логическим следствием этого, очевидно, могло стать советско-турецкое сближение на антигерманской основе. По мнению многих дипломатов, об этом могла свидетельствовать и смена в начале сентября советского полпреда в Анкаре. Естественно, что данный факт особенно беспокоил немецких представителей, что, в частности, видно из беседы советского полпреда в Румынии А.И. Лаврентьева с германским послом Фабрициусом 13 сентября 1940 г. [18, с. 593–594].

Озабоченность немцев была вполне объяснима. Балканы являлись одним из немногих источников сырья для германской военной промышленности. С другой стороны, появление частей Вермахта в непосредственной близости от турецких границ порождало в Анкаре большую нервозность, значительно усиленную отсутствием точных сведений о последующих намерениях Германии. В турецком руководстве

не исключали, что эта акция прежде всего служит укреплению стратегических позиций держав Оси для их дальнейшего продвижения на Балканы [19, с. 666]. Безусловно, в условиях войны немцы были заинтересованы в установлении контроля не только над нефтяной промышленностью Румынии, но и над другими нейтральными странами Балканского полуострова, обладавшего в том числе и огромным военно-стратегическим значением.

Одним из главных инструментов подчинения нейтральных государств политике Третьего Рейха стал заключенный как раз в это время Тройственный пакт. Присоединение к нему Венгрии, Румынии, а также Словакии, казалось, подтверждало самые мрачные прогнозы турецкого руководства. Эти недобрые предчувствия усиливала и германская печать, в которой отмечалось, что следствием включения указанных стран в число участников пакта станет их органическое вращение в единое пространство и создание в этой части континента «нового порядка» [20].

Осенью 1940 г. Турецкая республика начинает фигурировать и в расчетах германского генштаба. Один из вариантов продолжения войны с Англией заключался в том, чтобы нанести ей поражение на Средиземном море, где проходили главные коммуникации, связывающие Англию с ее восточными колониями. Для осуществления этих замыслов генштабом было предложено отправить в Северную Африку на помощь итальянцам одну-две танковые дивизии. Вскоре стало ясно, что для достижения поставленных целей этих сил будет недостаточно. Наиболее удобным и безопасным для переброски значительного военного контингента представлялся путь через территорию Малой Азии и Ближнего Востока в направлении Суэца. В этой связи 26 октября 1940 г. начальник германского генштаба Ф. Гальдер записал в дневнике, что для решающего успеха необходимо любым способом добиться от Болгарии и Турции разрешения на проход дивизий Вермахта. Аналогичные соображения высказал и заместитель Гальдера Ф. Паулюс. Однако, по словам генерала, осуществление такой операции затрагивает серьезные политические вопросы, разрешить которые может только высшее руководство [21, с. 205–206].

Итак, с осени 1940 г. германская политика в отношении Турции определялась, во-первых, стремлением не допустить советско-турецкого сближения на антигерманской основе, а во-вторых, замыслом использовать турецкую территорию для возможной переброски германских войск на ближневосточный театр военных

действий. Поэтому с начала ноября 1940 г. дипломатия Третьего Рейха взяла курс на установление как можно более тесных отношений с Турецкой республикой. Обострение международной обстановки на Балканах, вызванное нападением Италии на Грецию, и в связи с этим усиление давления англичан на Турцию с целью побудить ее активно помочь грекам значительно усложняли данную деятельность германской дипломатии.

Германские предложения и переговоры с Турцией в условиях обострения международной ситуации на Балканах в ноябре – декабре 1940 г.

В первых числах ноября в Богемии состоялось совещание министров иностранных дел Германии и Италии И. фон Риббентропа и Г. Чиано и германского посла в Турции Ф. фон Папена, на котором было выработано совместное германо-итальянское предложение Турции отказаться от политики лавирования, и окончательно перейдя на сторону держав Оси, предоставить им право на размещение военных баз на Анатолийском побережье [22, с. 19]. Согласие на это Анкары по существу означало бы присоединение ее к Тройственному пакту.

6 ноября фон Папен в разговоре с турецким послом в Германии Х. Гереде осторожно поинтересовался, не сможет ли Турция оказать державам Оси содействие в создании «нового европейского порядка». В ответ Гереде выразил мнение, что в принципе время для этого уже пришло, однако прежде Берлину и Риму следует более четко обозначить роль и место Турции в этом порядке [23, S. 408]. 10 ноября с Гереде беседовал уже сам фон Риббентроп. После встречи турецкий дипломат с удовлетворением отметил дружественный тон этой беседы и выразил готовность в ходе предстоящей поездки в Анкару констатировать наличие у Рейха искреннего желания улучшить связи с Турцией [24].

Однако состоявшиеся вскоре берлинские переговоры высшего руководства Третьего Рейха с наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым вызвали в Турции очередное напряжение и беспокойство. Все турецкие газеты писали об этой встрече, сходясь на том, что балканские проблемы и вопрос о проливах являлись здесь одними из основных. Не исключалось и достижения германо-советской договоренности о разделе сфер интересов, в том числе и за счет Турции [25].

Действительно, в ходе обсуждений широкого круга вопросов двусторонних советско-германских отношений балканская тема стала

одной из главных [26]. Отсутствие же точных сведений о переговорах и их результатах в сочетании с агрессивными действиями держав Оси, и прежде всего Италии, на Балканах порождало в Турции еще больший страх и ощущение все более приближающейся к ней войны. Поэтому с начала ноября здесь приступили к военным приготовлениям.

Тревожные ожидания турок были не напрасны. Именно в эти дни германский генштаб начал подготовку операции, направленной на предотвращение возможной высадки англичан в Греции. И поскольку в Берлине не могли исключить вмешательства Турции в предстоящую кампанию, то был поднят вопрос и об этой стране. Уже 4 ноября, согласно дневниковым записям Гальдера, Гитлер дал указание командованию сухопутных войск провести подготовку к быстрому вторжению в турецкую Фракию. А 24 ноября начальник генштаба был вынужден констатировать: «Дело продолжает развиваться в направлении нашего возможного наступления на Турцию» [21, с. 257]. В то же время и Гальдер, и представители высшего руководства ясно осознавали, что если Германия свяжет себя в Турции, то лишится возможности ведения войны против России. И потому параллельно с военной подготовкой была активизирована и дипломатическая работа, нацеленная как минимум на полную нейтрализацию Турецкой республики.

15 ноября фон Папен, выступая в Берлинском доме иностранных журналистов, озвучил, хотя и в несколько обтекаемой форме, германские планы в отношении Турции. Их суть сводилась к намерению Германии начать политическое наступление на эту страну с целью установления с ней дружественных отношений. Для их достижения Берлин, по словам дипломата, был готов предоставить Турции гарантии безопасности и территориальной целостности. При этом особо оговаривалось обязательство Германии защищать проливы от притязаний других держав, в том числе и России [27, с. 104–105].

Данное заявление усилило в Турции беспокойство относительно дальнейших намерений Третьего Рейха. А в турецкой прессе оно вызвало большое возмущение. В газетах подчеркивалось, что Турция не нуждается ни в каких немецких гарантиях [25]. О негативной реакции турецкой общественности сообщал в Берлин и советник германского посольства в Анкаре доктор Г. Кроль. По его словам, турки расценили это заявление как ультиматум, нацеленный на принуждение их к участию в «новом европейском порядке», чему они противятся, и говорят, что лучше будут бороться, чем подчинятся этому требованию [28, S. 529]. И, наконец, согласно Гальдеру, 27 ноября турки демонстративно

отклонили требование пропустить германские войска через Анатолию и ввели во Фракии осадное положение [21, с. 264].

В результате по возвращении в Анкару фон Папен был вынужден дать официальное опровержение своего заявления. В беседе с советским полпредом Виноградовым он сказал, что его слова были намеренно искажены. В действительности же его ответы на многочисленные вопросы репортеров якобы были очень сдержанны и умеренны. Как представляется, можно согласиться с мнением Виноградова о том, что заявление фон Папена было сознательно запущено Берлином в качестве пробного шага и опровергнуто затем лишь потому, что реакция на него оказалась достаточно резкой для текущего момента [29, с. 140–141].

Справедливость такой оценки подтверждается тем, что в частной беседе с турецким министром иностранных дел Ш. Сараджоглу 23 ноября фон Папен уже недвусмысленно заявил, что страны Оси готовы уважать территориальную целостность и независимость Турции, если последняя решится участвовать в «новом европейском порядке» [30, S. 568]. Та же мысль снова прозвучала во время беседы фон Папена с президентом Турецкой республики Иненю в присутствии Сараджоглу 29 ноября 1940 г. Более того, германский дипломат объявил о намерении Берлина привлечь Турцию к совместной работе по созданию «нового порядка» не только в Европе, но и на Ближнем Востоке, где после победы Рейха Анкара сможет при немецкой поддержке обеспечить свои справедливые интересы [31, S. 619–620].

Кроме того, для большего впечатления фон Папен обратил внимание собеседников и на согласованность германской и советской политики в отношении Балкан и Ближнего Востока. А в разговорах с Виноградовым германский посол прямо призывал оказать совместное воздействие на Анкару с целью изменения ее политики в нужном для Германии и СССР направлении. Однако советский полпред крайне сдержанно отнесся к данному предложению, видя в нем лишь стремление германской стороны использовать советский фактор для усиления давления на Турцию [32].

Очередная встреча фон Папена с Сараджоглу и со статс-секретарем турецкого МИД Н. Менемджиоглу состоялась 2 декабря. По ее итогам фон Папен сформулировал несколько пунктов, которые, на его взгляд, могли быть положены в основу будущего соглашения. Главными из них были следующие:

1) Турция с симпатией относится к «новому порядку» в Европе и готова принять активное участие в его создании;

2) Турция обязуется остаться в стороне от войны Англии со странами Оси;

3) державы Оси обязуются не нападать на Турцию;

4) державы Оси будут привлекать Турцию к переговорам по вопросам о «новом порядке» и в особенности по вопросам, затрагивающим турецкие интересы на Балканах и Ближнем Востоке.

Но все это были предварительные формулировки, и потому фон Папен в донесении в Берлин просил указаний по дальнейшим переговорам и, самое главное, по вопросу об окончательной редакции текста договора. Дипломат подчеркивал, что только скорейшее его подписание и гарантии территориальной целостности Турции смогут нейтрализовать беспокойство и даже страх Анкары по поводу ее безопасности. В то же время, предупреждал дипломат, любая попытка ограничить турецкий суверенитет над проливами неизбежно вызовет вооруженное столкновение с этой страной [33].

В беседе с фон Папеном турки также высказали большую озабоченность положением в соседней Болгарии. После встречи 17 ноября царя Бориса III с Гитлером они были почти уверены, что эта страна готовится последовать примеру Румынии и вскоре рядом с турецкими границами появятся германские войска. Со своей стороны, Болгария тоже была сильно напугана введением во Фракии военного положения и концентрацией здесь значительного числа турецких войск и потому затягивала присоединение к Тройственному пакту. В беседе 3 декабря 1940 г. с болгарским посланником П. Драгановым Гитлер пытался доказать, что эти опасения беспочвенны, поскольку Турция просто не в состоянии предпринять что-либо серьезное. Ее воинственную и даже несколько враждебную позицию в отношении Германии рейхсканцлер назвал вызывающей и глупой. По словам Гитлера, турки ясно осознают, что следствием их вмешательства в конфликт будет потеря ими господства над проливами. И интересно было бы посмотреть, как они будут нападать на несколько танковых дивизий [34, S. 641]. Те же соображения Гитлер высказал и на совещании с командованием сухопутных сил 5 декабря, прибавив что в случае германо-турецкого столкновения Россия тоже не останется в стороне. А это вполне может закончиться для Турции настоящей катастрофой [21, с. 281].

Итак, несмотря на все турецкие приготовления и исходящую из вполне очевидной логики войны уверенность многих в том, что Турция вмешается в события на Балканах, высшее руководство Третьего Рейха было убеждено в обратном, воспринимая проводимые Анкарой во-

енные мероприятия скорее как блеф. Поэтому в ответ на телеграмму фон Папена от 2 декабря фон Риббентроп распорядился впредь до дальнейших указаний в разговорах с турками соблюдать чрезвычайную сдержанность. Рейхсминистр подчеркивал, что конкретизация отдельных пунктов договора в настоящее время неуместна, и, вообще, вопрос о целесообразности письменного соглашения с Турцией пока является полностью открытым [35].

В ответном сообщении от 6 декабря фон Папен подтверждал, что не передавал туркам никаких письменных вариантов договора, а, всего лишь исполняя указание фюрера и рейхсминистра, предложил гарантировать Турции неприкосновенность ее территории. И только идя навстречу пожеланиям турецкой стороны конкретизировать немецкие заверения, он сформулировал предварительные пункты возможного соглашения. В заключении посол подчеркивал, что, несмотря на возникшие препятствия, ему необходимо продолжить переговоры с турками, так как внезапная и безосновательная их остановка приведет к полному подчинению Турции британской политике [36].

Между тем в первых числах декабря находящиеся в Анкаре диппредставители разных стран отметили некоторое успокоение и снижение военной активности в Турции, что, вероятно, было связано прежде всего с успехами греков в войне с Италией и отчасти с начавшимися переговорами с Германией. Так, в беседе с Виноградовым 12 декабря 1940 г. Сараджоглу заявил об отсутствии разногласий и даже о некотором улучшении отношений с Германией, поскольку немцы заверили Анкару, что у них нет агрессивных намерений на Балканах. Сараджоглу был убежден, что в настоящий момент этому можно верить. Однако, продолжал министр, следует быть очень бдительными, так как нет никаких сомнений в том, что когда Германии это будет необходимо, она найдет тысячу предлогов для осуществления своих планов [32].

Конечно, турки не были столь наивны, чтобы полностью доверять лишь устным заверениям фон Папена. В Анкаре ждали их письменного подтверждения. По расчетам турецкого руководства, договор с Германией должен был не только защитить его страну от прямого немецкого нападения, но и предотвратить возможную германо-советскую договоренность о разделе сфер влияния на Балканах и в зоне проливов. Турецким министрам и дипломатам по-прежнему не давало покоя отсутствие точных сведений об итогах берлинских переговоров Молотова. Даже через месяц после их окончания Сараджоглу спрашивал у Виноградова об

их результатах. По словам советского полпреда, турецкий министр при этом сильно нервничал [37, с. 196]. Аналогичный вопрос был задан 14 декабря турецким послом в СССР А.Г. Акта-ме самому Молотову [38, с. 198].

Однако надеждам Анкары на твердое урегулирование отношений с Германией на этот раз не суждено было сбыться. 22 декабря 1940 г. фон Папен получил от рейхсминистра ответ на свою телеграмму от 6-го числа. Уже сама более чем двухнедельная задержка с ответом свидетельствовала, что турецкая проблема больше не рассматривалась в Берлине как требующая срочного решения. Фон Риббентроп разделял мнение посла о необходимости продолжения переговоров с турецким правительством, чтобы не оборвать окончательно нить. Но, как и в прошлый раз, рейхсминистр подчеркнул, что на данный момент Германия не может конкретизировать отдельные пункты соглашения с Турцией. И в особенности, отмечалось в телеграмме, следует избегать решений и договоренностей, которые могли бы повредить контактам Германии с СССР. Однако принципиально, продолжал фон Риббентроп, правительство Рейха, как и прежде, готово и полагает абсолютно возможным найти базу для реорганизации германо-турецких отношений [39].

24 декабря фон Папен докладывал в Берлин о том, что Сараджоглу выразил радость по поводу данного намерения Германии. Турецкий министр также заявил и об аналогичном и неизменном желании его правительства [40, S. 787]. Представляется, однако, что эта радость едва ли была искренней. В Анкаре вновь получили лишь словесные заверения. На деле же германо-турецкие отношения в очередной раз были омрачены начавшейся в середине декабря усиленной переброской германских войск из Венгрии в Румынию. 7 января 1941 г. фон Риббентроп официально уведомил об этом германские посольства в Анкаре, Москве, Белграде и Афинах [41, S. 414].

Активизация военной политики Третьего Рейха на Балканах и кризис в германо-турецких отношениях в январе – феврале 1941 г.

10 января фон Папен сообщил в Берлин о том, что президент Иненю пристально наблюдает за транспортировкой германских войск и вместе с военным министром отправился в инспекционную поездку во Фракию, где был сконцентрирован полумиллионный турецкий контингент. В Анкаре отдавали отчет в том, что Румыния не является конечной точкой на пути

продвижения германских дивизий. В результате многие дипломаты полагали, что если Германия все же предпримет наступление на Грецию, то турки, скорее всего, не смогут остаться в стороне, поскольку в случае ее поражения Турция окажется в изоляции и закономерно станет следующей целью Германии [32].

Не мог исключать этого и германский посол. В телеграмме от 10 января он сообщал в Берлин о заявлении турецкого генштаба о том, что любое вторжение третьей стороны в турецкую зону безопасности вынудит Анкару к вооруженному вмешательству. Под зоной безопасности в тот момент подразумевалась прежде всего Болгария. Однако фон Папен был убежден, что при достаточной дипломатической подготовке Турции, как и раньше, можно удержать от этого шага. Для этого посол просил рейхсминистра дать ему полномочия и инструкции для незамедлительных действий в случае обострения обстановки. И в очередной раз дипломат подчеркивал, что одних устных заверений недостаточно, а необходим письменный договор, по которому Германия обязалась бы сохранять неприкосновенность турецких границ, по возможности не приближаясь к ним ближе чем на 50 км [42].

Однако в ответной телеграмме фон Риббентроп вновь отклонил идею такого договора. Послу было поручено еще раз со всей определенностью заявить туркам, что при условии сохранения ими фактического нейтралитета Германия не собирается нападать на их территорию. Более того, после 25 января при любом запросе по данной теме фон Папену следовало четко и резко отвечать, что решение правительства Рейха о защите Балкан от любой английской угрозы остается неизменным и германское руководство приняло все военные меры для молниеносной и эффективной реакции на всякий враждебный шаг. При этом Турции следует дать ясно понять, что если она все же решится развязать войну в регионе, то эта глупость, скорее всего, будет стоить ей полной потерей государственности. Что же касается исходящей якобы от турецкого генштаба информации о готовности Турции вмешаться, то фон Риббентроп считал ее блефом и провокацией, сознательно распространяемой англичанами [43].

20 января 1941 г. болгарское правительство все же согласилось примкнуть к Тройственному пакту [44, с. 366]. А уже 31 января греческий посол в Анкаре сообщил Виноградову, что, кроме размещения в Румынии 15 дивизий, немцы сосредоточили большое количество военных материалов вдоль румыно-болгарской границы по Дунаю. Это означало, что германское командова-

ние начало подготовку к продвижению войск на болгарскую территорию [32].

Каким же образом в Турции реагировали на эту ситуацию? Большинство турецких политиков и журналистов в то время было настроено крайне антигермански, и из их заявлений многие дипломаты в конце января – начале февраля делали вывод о том, что если части Вермахта перейдут Дунай, то турки вмешаются. Но была и иная точка зрения. В частности, временный поверенный в делах Венгрии в Турции Трауб говорил Виноградову, что понятие «зона безопасности» постепенно уходит на второй план и в качестве повода для вступления в войну турки все больше рассматривают «непосредственную угрозу границам». Тем самым они оставляют для себя возможность снова остаться в стороне. Весьма сдержанную позицию занял и статс-секретарь турецкого МИД Менеменджиоглу. В разговорах с советским полпредом в начале февраля он говорил, что немцы проводят концентрацию 300-тысячной группировки в Румынии, конечно, не для развлечения. И, если эти войска войдут в Болгарию, то, очевидно, они окажутся вблизи турецких границ. Однако, что из этого будет вытекать, еще не известно [32].

Итак, в первой половине февраля в Турции еще не пришли к окончательному решению о дальнейших действиях. На колебания турецкого руководства оказывали влияние различные факторы. Отсутствие письменных гарантий порождало страх перед германским натиском. Открыто выступить на защиту своих интересов турки также не решались. Лондон постоянно подталкивал их к этому. Но сами англичане в случае герmano-турецкого конфликта едва ли могли в тех условиях оказать туркам эффективную помощь. Еще одним обстоятельством, вынуждавшим турецкое руководство быть крайне осмотрительным, была неясная позиция СССР. Последний все же пока еще оставался фактическим союзником Германии. И у турок были все основания полагать, что Москва вполне может вмешаться в этот конфликт не столько для того, чтобы помочь Германии, сколько с целью обеспечить свои интересы в проливах. Более того, примерно в середине февраля турецкому послу в Берлине со стороны германского МИД было прямо заявлено, что Германия недовольна политикой Турции, и если последняя доведет дело до войны, то ей придется столкнуться не только с германской, но и с русской армией [45, с. 453]. Таким образом, к весне 1941 г. Турция оказалась, что называется, между молотом и наковальней, когда один неверный шаг мог привести к катастрофе, но и не делать совсем ничего тоже было нельзя.

Между тем в германском генштабе продолжали разрабатываться различные варианты возможной войны с Турцией [46, с. 29]. Турецкая проблема была поднята и в ходе состоявшегося в начале февраля совещания болгарского генштаба с представителем германского командования фельдмаршалом В. Листом [47, с. 362].

17 февраля 1941 г. начатые еще в декабре болгаро-турецкие переговоры завершились подписанием декларации о ненападении. В Германии приветствовали этот шаг. Германская печать даже характеризовала его как отход Турции от союза с Англией и сближение со странами Оси. Такая интерпретация вызвала большое возмущение в турецкой прессе, расценившей подобные заявления как пропаганду, направленную на подрыв союзнических отношений с Англией [25].

В такой обстановке герmano-турецкий диалог в конце февраля практически сошел на нет. 21 февраля Виноградов поинтересовался у фон Папена, не наметилось ли улучшение отношений двух стран в свете того, что турецкая печать как будто стала гораздо меньше атаковать Германию. И германский посол с некоторым разочарованием был вынужден признать, что никакого улучшения не наблюдается и, вообще, все отношения с турецкими руководителями свелись к тому, что он эпизодически является к ним для повторения заверений об отсутствии у Германии агрессивных намерений. Экономические соглашения также реализуются очень слабо [32].

26 февраля 1941 г. в рамках большой поездки по Балканским странам с целью создания здесь антигерманского фронта в Анкару прибыли министр иностранных дел Великобритании А. Иден и начальник британского генштаба генерал Д. Дилл. Все это создавало дополнительное напряжение в отношениях Турции и Третьего Рейха. Германских дипломатов очень нервировало отсутствие точных сведений об англо-турецких переговорах. 27 февраля фон Папен пытался узнать о целях визита Идена у советского полпреда, который присутствовал на приеме в честь британского министра. Однако Виноградов не смог сказать ничего определенного по этому поводу. При этом от него не укрылось беспокойство германского посла [48, с. 425–426].

В конце февраля фон Папен вновь попытался убедить свое начальство сделать шаг навстречу Анкаре и разрядить тем самым обстановку. В письме в Берлин он комментировал интервью Сараджоглу по поводу подписания болгаро-турецкой декларации, которую турецкий министр охарактеризовал как искреннее рукопожатие двух соседних стран и демонстрацию их обоюдного стремления к миру. И Тур-

ция готова пожать всякую руку, протянутую с теми же намерениями. В этих словах фон Папен увидел адресованное в том числе и Германии предложение о достижении какого-либо аналогичного соглашения и посоветовал не игнорировать эти намеки, а еще раз взвесить такую возможность [49, S. 126].

Однако 27 февраля дипломат получил от рейхсминистра телеграмму с предписанием уведомить турецкое правительство о вступлении Болгарии в Тройственный пакт. От обсуждения других тем фон Папен должен был воздержаться. Если же турки, говорилось в телеграмме, по своей инициативе поднимут вопрос о германских военных мероприятиях на Балканах или о том, что такая политика Рейха в итоге все же вовлечет Турцию в войну, то послу следовало в резкой форме отреагировать на эти замечания и еще раз подчеркнуть, что все германские шаги на Балканах направлены не против Турции, а против Великобритании. Это решение фюрера неизменно. И далее фон Папен должен был потребовать от турок четко обозначить их позицию. Является ли турецкая критика скрытой угрозой и намеком на то, что послу Третьего Рейха пора собирать свои чемоданы [50, S. 153–154]?

Столь резкая позиция фон Риббентропа объяснялась, возможно, личной антипатией рейхсминистра к туркам. Однако в большей мере, как представляется, это было связано с двуличной политикой самой Турции, во многом обусловленной разногласиями в ее правящих кругах по внешнеполитическим вопросам. Желание Анкары усидеть на нескольких стульях уже давно вызывало большое раздражение у германского руководства. И к концу февраля командование сухопутных сил Вермахта было полностью готово к войне с Турцией. Об этом свидетельствует дневник начальника генштаба Гальдера.

И все же, готовясь к нападению на СССР, отвлекаться на Турцию немцы не хотели, и потому они сделали еще одну попытку удержать эту страну от опрометчивого шага. Накануне официального объявления о присоединении Болгарии к Тройственному пакту Гитлер обратился к Иненю с личным посланием, в котором заверял, что у Германии нет территориальных претензий к Турции. Рейхсканцлер сообщал также, что отдал приказ войскам не приближаться к турецкой границе ближе чем на 50 км. И наряду с другими факторами это письмо в тот момент сыграло роль в предупреждении турецкого вмешательства, хотя окончательно и не ликвидировало различные противоречия, обоюдную подозрительность и недоверие. 1 марта 1941 г. Болгария объявила о присоединении к

Тройственному пакту, и с этого времени начинается новый этап как в развитии военно-политической ситуации на Балканах, так и в германо-турецких отношениях.

Заключение

Осенью 1940 г. Балканский регион и прилегающие к нему области Ближнего Востока, кроме их традиционно высокой экономической значимости для немецкого хозяйства, стали играть существенную роль в стратегических планах германского генштаба. В связи с этим большое значение приобрела позиция расположенных здесь государств, в том числе и Турецкой республики. Поэтому с октября 1940 г. Германия начала дипломатическое наступление на страны Юго-Восточной Европы с целью привлечения их на свою сторону посредством присоединения к Тройственному пакту. При этом Турция интересовала немцев прежде всего с точки зрения использования ее территории для транспортировки войск в направлении Суэцкого канала и Египта для нанесения удара по ближневосточным коммуникациям Великобритании. В обмен на согласие Турции пропустить части Вермахта Германия выразила готовность гарантировать ее неприкосновенность и территориальную целостность.

Но разрешить транзит германских войск Анкара не могла, поскольку это означало бы ее фактическое присоединение к державам Оси. С точки зрения турецкого руководства такой отход от традиционной политики нейтралитета противоречил интересам безопасности их страны. Кроме того, внутри самой Турции были очень сильны англофильские и антигерманские настроения.

В то же время в ходе начавшихся в конце ноября 1940 г. конфиденциальных переговоров с германским послом Ф. фон Папеном высшие руководители Турции проявили интерес к немецкому предложению о гарантиях безопасности. Со своей стороны турки были готовы взять обязательство воздержаться от любых враждебных действий против Германии и принципиально признать создаваемый Третьим Рейхом «новый порядок» в Европе. По их мнению, такое соглашение, не нарушая союза с Англией, могло бы максимально уменьшить угрозу со стороны Германии.

Большое влияние на характер и динамику германо-турецкого диалога в это время оказывала военно-политическая обстановка на Балканах, которая потенциально несла непосредственную угрозу турецкому государству. Поэтому Анкара была вынуждена проводить крайне осторожную политику, стремиться к

сохранению нормальных отношений со всеми великими державами. Отсюда и проистекала двойственная позиция Турции по отношению к германской инициативе. Отказавшись предоставить свою территорию для транзита частей Вермахта, турки выразили готовность урегулировать политические отношения с Германией для того, чтобы хотя бы в какой-то степени обезопасить себя от ее возможной агрессии. При этом важное значение для них имела письменная фиксация германских гарантий.

Однако нацистское руководство в лице Гитлера и фон Риббентропа посчитало, что такая фиксация на данном этапе является нецелесообразной, поскольку может причинить вред внешней политике Германии, в частности испортить германо-советские отношения. Именно в это время немцы вели переговоры с СССР о новом и крайне необходимом им экономическом договоре. Их благоприятный исход мог оказаться весьма сомнительным, если бы Германия гарантировала территориальную целостность Турции, так как в СССР, с учетом настойчивого стремления его руководства взять под контроль проливы, данная акция, скорее всего, вызвала бы огромное недовольство. Представляется, что в Германии не забыли кризис в германо-советских отношениях, связанный с подобными гарантиями, предоставленными в августе 1940 г. Румынии. Не исключено, что подписание с Турцией такого договора, а по существу пакта о ненападении, руководство Рейха также не хотело раньше времени вызвать у СССР подозрение относительно своих военных планов.

Не последнюю роль здесь сыграл и отказ Турции пропустить германские войска, что для Германии в тот момент было самым главным. Простое же обещание Анкары не вступать в войну с Германией и формально признать «новый порядок» было явно недостаточно и не компенсировало возможные внешнеполитические издержки. Вообще, двуличная политика Турции с самого начала войны вызывала в Берлине большое раздражение, хорошо заметное в том числе и в телеграммах, направляемых в турецкую столицу фон Риббентропом.

Со своей стороны, германский посол в Анкаре фон Папен настоятельно рекомендовал подписать такой договор, убежденный в том, что он не повредит отношениям с СССР и предотвратит окончательный переход Турции в британский лагерь. Но самое главное, по мнению посла, договор должен был предупредить вмешательство турок в предстоящую Балканскую кампанию Вермахта. Однако, уверенное в превосходстве своей армии, германское руководство не очень верило в саму возможность

такого вмешательства, в решимость Турции первой нанести удар. Хотя германский генштаб предусмотрительно готовился и к такому развитию событий.

Резкая активизация военной политики Рейха на Балканах в конце 1940 – начале 1941 г. и подготовка к присоединению Болгарии к Тройственному пакту вызвали очередное напряжение в германо-турецких отношениях, едва не закончившееся их полным разрывом. И только личное вмешательство Гитлера помогло избежать этого, не сняв, однако, всех имеющихся между странами противоречий.

Список литературы

1. Kreckler L. Deutschland und die Türkei im zweiten Weltkrieg // In: Frankfurter Wissenschaftliche Beiträge. Kulturwissenschaftliche Reihe. Bd. 12. Frankfurt a. M., 1964. 293 S.
2. Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). 1939 г. Т. XXII. В 2 кн. Кн. 2 (1 сентября – 31 декабря 1939 г.) / Под ред. В.Г. Комплектова, Ю.К. Алексеева и др. М.: Международные отношения, 1992. 688 с.
3. История международных отношений. В 3 т. Т. 2. Межвоенный период и Вторая мировая война / Под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского, А.Ю. Сидорова. М.: Аспект Пресс, 2012. 496 с.
4. Волков В.К. Советско-германское противоборство на Балканах во второй половине 1940 года: мотивы и характер // В сб.: Война и политика, 1939–1941 / Под ред. А.О. Чубарьяна и Г. Городецкого. М.: Наука, 2001. С. 394–415.
5. Кульков Е.Н. Пакт трех держав и операция «Барбаросса» // В кн.: Россия и Германия. Вып. 2. М.: Наука, 2001. С. 234–248.
6. Башкин А.В. Заключение «Пакта трех держав» 1940 г. и позиция СССР // В сб.: Проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. Вып. 4 / Под ред. Н.В. Куркова. М.: МГОУ, 2005. С. 3–16.
7. Мигун Д.А. «Берлинский пакт о тройственном союзе» 1940 г. и его влияние на германо-советские отношения // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2012. № 2. С. 3–7. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22921607>
8. Валева Е.Л. Трудный выбор царя Бориса III: к проблеме присоединения Болгарии к Тройственному пакту в 1941 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. Т. 11. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 278–291. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27686725>
9. Юнгблюд В.Т., Збоев А.В. Нейтралитет и/или ревизионизм: международное положение Болгарии в 1939–1941 гг. // В сб.: Международные отношения в XX в. / Под ред. В.Т. Юнгблюда. Киров, 2016. С. 67–88. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_26272626_89397866
10. Гибианский Л.Я. Балканские страны в перекрестье политики Гитлера и Сталина в начале

- Второй мировой войны: от поражения Франции до установления господства «оси» на Балканах // Славяноведение. 2013. № 1. С. 24–42. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18829727>
11. Покивайлова Т.А. Румыния во Второй мировой войне в румынской историографии // Новая и новейшая история. 2014. № 5. С. 126–142.
12. Желички Б.И. Венгрия в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 48–63.
13. Марына В.В. «Ворота на Балканы». Словакия в геополитических конструкциях СССР и Германии. 1939–1941 // В сб.: Война и политика, 1939–1941 / Под ред. А.О. Чубарьяна и Г. Городецкого. М.: Наука, 2001. С. 472–489.
14. Поп И.И. Словакия в системе гитлеровского «нового порядка» / июнь 1940 – июль 1941 г. // В сб.: Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 – июнь 1941). М.: РАН, Институт славяноведения и балканистики, 1992. С. 159–166.
15. Аюпова Н.И. Основные вехи развития турецко-германских отношений: взгляд из Турции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 9–19. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42853435>
16. Смольняк И.В. Отношение США к внешнеполитической активности Турции в 1939–1941 годов // Вестник Пермского университета. История. 2013. № 3 (23). С. 207–217. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21023298>
17. Киреев Н.Г. История Турции. XX век. М.: ИВ РАН: Крафт, 2007. 608 с.
18. Из телеграммы советского полпреда СССР в королевстве Румыния А.И. Лаврентьева в НКВД СССР 13 сентября 1940 г. // Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. 1940 – 22 июня 1941. В 2 кн. Кн. 1 (1 января– 31 октября 1940) / Под ред. Г.Э. Мамедова и др. М.: Международные отношения, 1995. 752 с.
19. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Турецкой республике С.А. Виноградова в НКВД СССР 12 октября 1940 г. // ДВП СССР. Т. XXIII. 1940 – 22 июня 1941. В 2 кн. Кн. 1 (1 января – 31 октября 1940).
20. О германских планах создания «нового порядка» в Европе // АВП РФ. Ф. 06 «Секретариат В.М. Молотова». Оп. 3 АВТО. Д. 136. П. 11. Режим доступа: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/3-avto/?PAGEN_1=10. (дата обращения: 1.06.2022).
21. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 2. М.: Воениздат, 1969. 628 с.
22. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Германии А.А. Шкварцева в НКВД СССР 4 ноября 1940 г. // Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. 1940 – 22 июня 1941. В 2 кн. Кн. 2 (1) (1 ноября 1940 – 1 марта 1941) / Под ред. Г.Э. Мамедова и др. М.: Международные отношения, 1998. 448 с.
23. Aktennotiz des Botschafters in Ankara. 6. 11. 1940 // Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. 1918–1945. Serie D: 1937–1945. Band XI. 1 Die Kriegsjahre. Vierter Band. Erster Halbband. 1. September bis 13. November 1940. Bonn, 1964.
24. Aufzeichnung des Botschafters in Ankara. 11. 11. 1940. // ADAP. S. 433–434.
25. Из обзора турецкой прессы // АВП РФ. Ф. 06 «Секретариат В.М. Молотова». Оп. 3 АВТО. Д. 310. П. 23. Режим доступа: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/3-avto/?PAGEN_1=20 (дата обращения: 3.06.2022).
26. Кемулария Л.А. Современные интерпретации визита В. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2017. № 2 (15). С. 66–72. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29424627> (дата обращения: 15.05.2022).
27. Из политического письма полпреда СССР в Берлине 19 ноября 1940 г. // ДВП СССР. Т. XXIII. 1940 – 22 июня 1941. В 2 кн. Кн. 2 (1). (1 ноября 1940 – 1 марта 1941).
28. Der Geschäftsträger in Ankara an das Auswärtige Amt. Telegramm № 945 vom 20. 11. 1940 // Akten zur Deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Band XI. 2. Die Kriegsjahre. Vierter Band. Zwieter Halbband. 13. November 1940 bis 31. Januar 1941. Bonn, 1964.
29. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Турецкой республике С.А. Виноградова в НКВД СССР 26 ноября 1940 г. // ДВП СССР. Т. XXIII. 1940 – 22 июня 1941. В 2 кн. Кн. 2 (1) (1 ноября 1940 – 1 марта 1941).
30. Der Botschafter in Ankara an das Auswärtige Amt. Telegramm № 954 vom 23.11.1940 // ADAP. S. 568–569.
31. Der Botschafter in Ankara an das Auswärtige Amt. Telegramm № 971 vom 29.11.1940 // ADAP. S. 619–621.
32. Из записей бесед посла СССР в Турции // АВП РФ. Ф. 06 «Секретариат В.М. Молотова». Оп. 3 АВТО. Д. 298. П. 22. Режим доступа: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/3-avto/?PAGEN_1=19 (дата обращения: 7.06.2022).
33. Der Botschafter in Ankara an das Auswärtige Amt. Telegramm № 977 vom 2.12.1940 // ADAP. S. 638–639.
34. Aufzeichnung des Gesandten Hewel vom 3.12.1940 // ADAP. S. 640–645.
35. Der Reichsaußenminister an die Botschaft in Ankara. Telegramm № 663 vom 5.12.1940 // ADAP. S. 662.
36. Der Botschafter in Ankara an das Auswärtige Amt. Telegramm № 992 vom 6.12.1940 // ADAP. S. 666.
37. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Турецкой республике С.А. Виноградова в НКВД СССР 13 декабря 1940 г. // ДВП СССР. Т. XXIII. 1940 – 22 июня 1941. В 2 кн. Кн. 2 (1) (1 ноября 1940 – 1 марта 1941).
38. Из беседы народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова с послом Турецкой республики в СССР А.Г. Актаем 14 декабря 1940 г. // ДВП СССР. Т. XXIII. 1940 – 22 июня 1941. В 2 кн. Кн. 2 (1) (1 ноября 1940 – 1 марта 1941).

39. Der Reichsaußenminister an die Botschaft in Ankara. Telegramm № 715 vom 22.12.1940 // ADAP. S. 773.

40. Der Botschafter in Ankara an das Auswärtige Amt. Telegramm # 1057 vom 24.12.1940 // ADAP. S. 787–788.

41. Ursachen und Folgen. Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart. Bd. 16. Das Dritte Reich. Versuche einer festländischen Koalitionsbildung gegen England. Berlin: Dokumenten-Verlag, 1962. 585 S.

42. Der Botschafter in Ankara an das Auswärtige Amt. Telegramm № 25 vom 10.01.1941 // ADAP. S. 885–886.

43. Der Reichsaußenminister an die Botschaft in Ankara. Telegramm № 17 vom 15.01.1941 // ADAP. S. 920–921.

44. Валева Е.Л. Советско-германское противоборство на Балканах в контексте международных отношений накануне и в начале второй мировой войны // В сб.: Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике. XVI–XX вв. М.: ИНДРИК, 2002. С. 353–368.

45. Из беседы первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом Великобритании в СССР Р.С. Криппсом

6 марта 1941 г. // ДВП СССР. Т. XXIII. 1940 – 22 июня 1941. В 2 кн. Кн. 2 (2) (2 марта – 22 июня 1941) / Под ред. Г.Э. Мамедова и др. М.: Международные отношения, 1998. 448 с.

46. Постников А.Г. Дипломатические аспекты германо-британского противоборства на Балканах и в Турции в 1940–1941 гг. Цели, методы, результаты // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 25–31.

47. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 томах. Т. 3. М.: Юридическая литература, 1989. 656 с.

48. Из беседы полномочного представителя СССР в Турецкой республике С.А. Виноградова с послом Германии в Турции Ф. Папеном 27 февраля 1941 г. // ДВП СССР. Т. XXIII. 1940 – 22 июня 1941. В 2 кн. Кн. 2 (1) (1 ноября 1940 – 1 марта 1941).

49. Der Botschafter in Ankara an das Auswärtige Amt. Telegramm #171 vom 24. 02. 1941 // Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Aus dem Archiv des deutschen auswärtigen Amts. Serie D: 1937–1941. Band XII. 2. Baden-Baden, 1969. S. 126–127.

50. Der Reichsaußenminister an die Botschaft in Ankara. Telegramm #111 vom 27.02.1941 // ADAP. S. 152–154.

ACTIVITY OF GERMAN DIPLOMACY ON TURKEY'S ACCESSION TO THE TRIPARTITE PACT (SEPTEMBER 1940 – MARCH 1941)

A.G. Postnikov, E.N. Solomakha

The article is devoted to the problem of German–Turkish relations in the autumn of 1940 – spring of 1941 and the attempts of German diplomacy to attract Turkey to the Tripartite Pact in order to use its territory for the passage of Wehrmacht units in the direction of Egypt. As the situation in the Balkans escalated, the task of avoiding a military face-off with it was added to this aim. The article discusses and analyzes the key points of the negotiation process on these issues. Particular attention is drawn to the disagreements that arose between the top political leadership of the Third Reich and the Ambassador in Ankara, F. von Papen, about the prospects of relations with Turkey. In conclusion, the results of the negotiations for this period of time are summed up, the reasons for their essentially unsuccessful outcome are revealed.

Keywords: the neutrality of Turkey, “new European order”, Suez Canal, the Tripartite Pact, the Turkish Straits.

References

1. Kreckler L. Deutschland und die Türkei im zweiten Weltkrieg // In: Frankfurter Wissenschaftliche Beiträge. Kulturwissenschaftliche Reihe. Bd. 12. Frankfurt a. M., 1964. 293 S.

2. Documents of the foreign policy of the USSR (FPD USSR). 1939 Vol. XXII. In 2 books. Book 2 (September 1 – December 31, 1939) / Edited by V.G. Kitov, Yu.K. Alekseev and others. M.: International Relations, 1992. 688 p.

3. History of international relations. In 3 vol. Vol. 2. The Interwar period and the Second World War / Edited by A.V. Torkunov, M.M. Narinsky, A.Y. Sidorov. M.: Aspect Press, 2012. 496 p.

4. Volkov V.K. Soviet–German confrontation in the Balkans in the second half of 1940: motives and character // In the collection: War and Politics, 1939–1941 / Edited by A.O. Chubaryan and G. Gorodetsky. M.: Science, 2001. P. 394–415.

5. Kulkov E.N. Pact of Three Powers and Operation Barbarossa // In the book: Russia and Germany. Issue 2. M.: Science, 2001. P. 234–248.

6. Bashkin A.V. Conclusion of the «Pact of the Three Powers» of 1940 and the position of the USSR // In the collection: Problems of the new and recent history of foreign countries. Issue 4 / Edited by N.V. Kurkov. M.: Moscow State University, 2005. P. 3–16.

7. Migun D.A. «The Berlin Pact on the Triple Alliance» of 1940 and its impact on German–Soviet relations // Bulletin of the Polesky State University. A series of social sciences and humanities. 2012. № 2. P. 3–7. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22921607>

8. Valeva E.L. The difficult choice of Tsar Boris III: on the problem of Bulgaria joining the Triple Pact in 1941 // Slavic world in the third Millennium. Vol. 11. M.: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2016. P. 278–291. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27686725>

9. Yungblud V.T., Zboev A.V. Neutrality and/or revisionism: the international situation of Bulgaria in 1939–1941 // In the collection: International Relations in the XX century / Edited by V.T. Yungblud. Kirov, 2016. P. 67–88. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26272626_89397866

10. Gibiansky L.Ya. Balkan countries in the cross-hairs of Hitler and Stalin's policies at the beginning of the Second World War: from the defeat of France to the establishment of the domination of the «axis» in the Balkans // *Slavic Studies*. 2013. № 1. P. 24–42. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18829727>
11. Pokivailova T.A. Romania in the Second World War in Romanian historiography // *New and modern history*. 2014. № 5. P. 126–142.
12. Zhelitski B.I. Hungary during the Second World War // *Questions of History*. 2004. № 6. P. 48–63.
13. Maryina V.V. «Gates to the Balkans». Slovakia in the geopolitical constructions of the USSR and Germany. 1939–1941 // In the collection: *War and Politics, 1939–1941* / Edited by A.O. Chubaryan and G. Gorodetsky. M.: Science, 2001. P. 472–489.
14. Pop I.I. Slovakia in the system of Hitler's «new order» / June 1940 – July 1941 // In the collection: *International relations and the countries of Central and South-Eastern Europe during the Fascist aggression in the Balkans and the preparation of an attack on the USSR (September 1940 – June 1941)*. M.: RAS, Institute of Slavic Studies and Balkanistics, 1992. P. 159–166.
15. Ayupova N.I. The main milestones in the development of Turkish-German relations: a view from Turkey // *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*. 2020. № 2. P. 9–19. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42853435>
16. Smolnyak I.V. The attitude of the USA to the foreign policy activity of Turkey in 1939–1941 // *Bulletin of Perm University. History*. 2013. № 3 (23). P. 207–217. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21023298>
17. Kireev N.G. *History of Turkey. XX century*. M.: IV RAS: Kraft, 2007. 608 p.
18. From the telegram of the Soviet Plenipotentiary of the USSR in the Kingdom of Romania A.I. Lavrentiev to the PCFA of the USSR on September 13, 1940 // *Documents of the Foreign policy of the USSR*. Vol. XXIII. 1940 – June 22, 1941. In 2 books. Book 1 (January 1 – October 31, 1940) / Edited by G.E. Mamedov et al. M.: International Relations, 1995. 752 p.
19. From the telegram of the Plenipotentiary Representative of the USSR in the Republic of Turkey S.A. Vinogradov to the PCFA of the USSR on October 12, 1940 // *DFP USSR*. Vol. XXIII. 1940 – June 22, 1941. In 2 books. Book 1 (January 1 – October 31, 1940).
20. About German plans to create a «new order» in Europe // *WUA RF. F. 06 «V.M. Molotov's Secretariat»*. Op. 3 AUTO. d. 136. P. 11. URL: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/3-avto/?PAGEN_1=10 (Date of access: 1.06.2022).
21. Halder F. War diary. Daily records of the Chief of the General Staff of the Ground Forces 1939–1942. Vol. 2. M.: Voenizdat, 1969. 628 p.
22. From the telegram of the Plenipotentiary Representative of the USSR in Germany A.A. Shkvartsev to the PCFA of the USSR on November 4, 1940 // *Documents of the Foreign policy of the USSR*. Vol. XXIII. 1940 – June 22, 1941. In 2 b. B. 2 (1) (November 1, 1940 – March 1, 1941) / Edited by G.E. Mamedov et al. M.: International Relations, 1998. 448 p.
23. Aktennotiz des Botschafters in Ankara. 6. 11. 1940 // *Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik*. 1918–1945. Serie D: 1937–1945. Band XI. 1 Die Kriegsjahre. Vierter Band. Erster Halbband. 1. September bis 13. November 1940. Bonn, 1964.
24. Aufzeichnung des Botschafters in Ankara. 11. 11. 1940. // *ADAP*. S. 433–434. B
25. From the review of the Turkish press // *WUA RF. F. 06 «V.M. Molotov's Secretariat»*. Op. 3 AUTO. D. 310. P. 23. URL: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotov/sekretariat-v-m-molotov/3-auto/?PAGEN_1=20 (Date of access: 3.06.2022).
26. Kemularia L.A. Modern interpretations of V. Molotov's visit to Berlin in November 1940 // *Modern problems of humanities and social sciences*. 2017. № 2 (15). P. 66–72. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29424627> (Date of access: 15.05.2022).
27. From the political letter of the USSR Plenipotentiary Mission in Berlin on November 19, 1940 // *FPD USSR*. Vol. XXIII. 1940 – June 22, 1941. In 2 books. Book 2 (1). (November 1, 1940 – March 1, 1941).
28. Der Geschäftsträger in Ankara an das Auswärtige Amt. Telegramm № 945 vom 20. 11. 1940 // *Akten zur Deutschen auswärtigen Politik*. 1918–1945. Band XI. 2. Die Kriegsjahre. Vierter Band. Zwieter Halbband. 13. November 1940 bis 31. Januar 1941. Bonn, 1964.
29. From the telegram of the Plenipotentiary Representative of the USSR in the Republic of Turkey S.A. Vinogradov to the PCIA of the USSR on November 26, 1940 // *FPD USSR*. Vol. XXIII. 1940 – June 22, 1941. In 2 books. Book 2 (1) (November 1, 1940 – March 1, 1941).
30. Der Botschafter in Ankara an das Auswärtige Amt. Telegramm № 954 vom 23.11.1940 // *ADAP*. S. 568–569.
31. Der Botschafter in Ankara an das Auswärtige Amt. Telegramm № 971 vom 29.11.1940 // *ADAP*. S. 619–621.
32. From the recordings of conversations of the USSR Ambassador to Turkey // *WUA RF. F. 06 «V.M. Molotov's Secretariat»*. Op. 3 AUTO. D. 298. P. 22. URL: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/3-auto/?PAGEN_1=19 (Date of access: 7.06.2022).
33. Der Botschafter in Ankara an das Auswärtige Amt. Telegramm № 977 vom 2.12.1940 // *ADAP*. S. 638–639.
34. Aufzeichnung des Gesandten Hewel vom 3.12.1940 // *ADAP*. S. 640–645.
35. Der Reichsaußenminister an die Botschaft in Ankara. Telegramm № 663 vom 5.12.1940 // *ADAP*. S. 662.
36. Der Botschafter in Ankara an das Auswärtige Amt. Telegramm № 992 vom 6.12.1940 // *ADAP*. S. 666.
37. From the telegram of the Plenipotentiary Representative of the USSR in the Republic of Turkey S.A. Vinogradov to the PCIA of the USSR on December 13, 1940 // *DFP USSR*. Vol. XXIII. 1940 – June 22, 1941. In 2 b. B. 2 (1) (November 1, 1940 – March 1, 1941).
38. From the conversation of the People's Commissar of Foreign Affairs V.M. Molotov with the Ambassador of the Turkish Republic to the USSR A.G. Aktay on December 14, 1940 // *DFP USSR*. Vol. XXIII. 1940 –

June 22, 1941. In 2 books. Book 2 (1) (November 1, 1940 – March 1, 1941).

39. Der Reichsaußenminister an die Botschaft in Ankara. Telegramm № 715 vom 22.12.1940 // ADAP. S. 773.

40. Der Botschafter in Ankara an das Auswärtige Amt. Telegramm # 1057 vom 24.12.1940 // ADAP. S. 787–788.

41. Ursachen und Folgen. Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart. Bd. 16. Das Dritte Reich. Versuche einer festländischen Koalitionsbildung gegen England. Berlin: Dokumenten-Verlag, 1962. 585 S.

42. Der Botschafter in Ankara an das Auswärtige Amt. Telegramm № 25 vom 10.01.1941 // ADAP. S. 885–886.

43. Der Reichsaußenminister an die Botschaft in Ankara. Telegramm № 17 vom 15.01.1941 // ADAP. S. 920–921.

44. Valeva E.L. Soviet-German confrontation in the Balkans in the context of international relations on the eve and at the beginning of the Second World War // In the collection: Russia, Poland, Germany in European and world politics. XVI–XX centuries. M.: INDRIK, 2002. P. 353–368.

45. From the conversation of the First Deputy People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR A.Ya.

Vyshinsky with the British Ambassador to the USSR R.S. Cripps on March 6, 1941 // DFP USSR. T. XXIII. 1940 – June 22, 1941. In 2 books. Book 2 (2) (March 2 – June 22, 1941) / Edited by G.E. Mamedov et al. M.: International Relations, 1998. 448 p.

46. Postnikov A.G. Diplomatic aspects of the German-British confrontation in the Balkans and Turkey in 1940–1941. Goals, methods, results // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2018. № 1. P. 25–31.

47. The Nuremberg Trial. Collection of materials in 8 volumes. Vol. 3. M.: Legal Literature, 1989. 656 p

48. From the conversation of the Plenipotentiary Representative of the USSR in the Turkish Republic S.A. Vinogradov with the German Ambassador to Turkey F. Papen on February 27, 1941 // DFP USSR. V. XXIII. 1940 – June 22, 1941. In 2 books. Book 2 (1) (November 1, 1940 – March 1, 1941).

50. Der Botschafter in Ankara an das Auswärtige Amt. Telegramm #171 vom 24. 02. 1941 // Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Aus dem Archiv des deutschen auswärtigen Amts. Serie D: 1937–1941. Band XII. 2. Baden-Baden, 1969. S. 126–127.

50. Der Reichsaußenminister an die Botschaft in Ankara. Telegramm #111 vom 27.02.1941 // ADAP. S. 152–154.